

УДК 378.091.2+[378.016:32].(470+57)

ББК 87я73

«ИСТОРИЧЕСКИЙ» КОМПОНЕНТ В ОБЩИХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЯХ СТУДЕНТОВ-ПОЛИТОЛОГОВ

Н.И. Шестов

Анализируются структурные и содержательные противоречия в общих и специальных компетенциях студентов-политологов в области исторического знания, предусмотренных госстандартами третьего поколения. Обосновываются возможности совершенствования данных компетенций.

Ключевые слова: образовательный стандарт, профессиональные компетенции, общие компетенции, историческая память, модернизация.

Историки любят повторять, что все новое – это хорошо забытое старое. Этот афоризм как нельзя лучше подходит к нынешним дискуссиям о том, какого типа «работник» нужен модернизирующейся российской экономике, политике и культуре. В 20-е гг. прошлого столетия по этому поводу шли достаточно напряженные и конструктивные дискуссии между специалистами Наркомата просвещения и комсомольскими руководителями. К этим спорам подключены были тогдашние руководители хозрасчетных предприятий (работодатели), профсоюзы, педагогическая общественность, пресса. Обсуждался вопрос о том, как у молодого человека, активно участвующего в социалистической модернизации, должны сочетаться качества «ремесленника высшего разряда» с моральными качествами и мировоззренческими установками «строителя коммунизма», а также его гражданской ответственностью перед социалистическим государством и советским обществом. Советская система образования, в том числе высшего, уже тогда пришла к ряду конструктивных решений, позволивших сбалансировать в учебном и воспитательном процессах, на уровне общей стра-

тегии и идеологии образования, решение задач формирования квалифицированного работника для конкретной отрасли производства и управления и формирования советского гражданина и патриота. И разумность именно такого решения была, что важно, апробирована нашим собственным российским опытом и подтверждена результатами индустриальной модернизации нашей страны, «культурной революции», а также в значительной степени результатами Великой Отечественной войны. Нынешнее время предложило другие условия и другие переменные величины для выработки инновационной формулы образовательного процесса, но суть этой формулы и той задачи, условия которой она описывает, остались теми же: без хорошего «мастера» модернизация обернется неэффективными затратами государственных и общественных ресурсов, а без хорошего гражданского и патриотического воспитания этого «мастера» она, как политика, лишена цели и смысла.

К сожалению, об этом опыте творческих дискуссий институтов государства с общественными институтами сегодня, в период поиска общих тем для коммуникаций правового государства и гражданского общества, нечасто вспоминают. Более внимательное отношение к этому опыту могло бы нынешние дискуссии по поводу госстандартов и профессио-

нальных компетенций насытить новыми весомыми аргументами «за» и «против» тех или иных трактовок и формулировок.

Существующие госстандарты третьего поколения для вузовской подготовки политологов оставляют вопросы относительно принципиального смысла тех компетенций, которые в них сформулированы. Конкретно, это компетенции, определяющие содержание и качество познаний бакалавров-политологов в истории России и других стран. Бакалавр должен обладать: «...готовностью уважительно и бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям, толерантно воспринимать социальные и культурные различия (ОК-4); способностью понимать движущие силы и закономерности исторического процесса, роль насилия и ненасилия в истории, место человека в историческом процессе, политической организации общества (ОК-5)». В плане профессиональной компетенции от бакалавра требуется знание: «...политической истории России и зарубежных стран (знание основных этапов и характеристик политической истории России и зарубежных стран, особенностей исторических традиций в политическом развитии, владение навыками политического анализа исторического прошлого) (ПК-5); истории политических учений (знание основных учений и концепций мировой и отечественной политической мысли, умение работать с оригинальными научными текстами и содержащимися в них смысловыми конструкциями) (ПК-6)» [1].

Суть требований госстандартов к компетентности студента-бакалавра такова, что он за относительно краткий срок обучения в бакалавриате вполне самостоятельно (с учетом резкого сокращения общетеоретической подготовки и увеличения доли самостоятельной работы студента) должен найти окончательное и целостное решение фундаментальных гуманитарных проблем, связанных с местом человека в мире политики и с логикой основных гуманитарных процессов, то решение, которое за более чем два столетия своего развития в русле рационалистической и позитивистской парадигм не смогли найти совместными усилиями все гуманитарные науки в лице своих лучших представителей. Представим себе, что квалифицированный

политолог с большим опытом исследовательской и преподавательской работы, с учеными степенями самому себе задаст вопрос «Что есть государство?». С большой долей вероятности можно предположить, что он, именно в силу своей высокой квалификации, с большим трудом сможет выбрать из множества определений, циркулирующих сегодня в пространстве политической науки, то, которое по всем параметрам удовлетворит его самого и которое он без оговорок и сомнений предложит своим слушателям для запоминания. Именно как профессионал, заработавший право сказать «Я этого не знаю!», он вряд ли будет требовать от студентов того, чего сам не достиг. О том, какие трудности могут возникнуть с пониманием студентом движущих сил и закономерностей исторического процесса, с пониманием роли насилия в политике в прошлом и настоящем, с навыками исторического анализа политического прошлого (с цивилизационных или формационных, или же, вообще, провиденциалистских позиций?) говорить не приходится.

С одной стороны, формулировки «исторических» компетенций таковы, что в них можно увидеть рекомендации для преподавателей и студентов действовать в конкретном направлении, а именно в направлении сообщения выпускникам специальности «Политология» определенного объема фактических и теоретических знаний, формирования у них четкого перечня способностей к работе с историческим материалом и с историческим знанием. Но тогда возникает вопрос: почему именно это должен знать и уметь в плане своей «исторической» компетентности студент-политолог, а не что-то другое? То, что осталось за рамками компетенций, но что имеет принципиальное значение для гражданской, например, и патриотической компетентности выпускника российского вуза. Почему, например, он должен обязательно знать законы развития государства, но от него не требуется в столь же обязательном порядке знания законов политического развития общества, знания законов и традиций патриотической мобилизации? Для решения последней задачи российская история, богатая примерами гражданских и патриотических подвигов, как представителей элиты, так и выходцев «из низов», предостав-

ляет материал не менее благодатный, чем для осознания сути и законов развития государственного порядка. Если вести речь о том, что из стен вуза должен выходить лояльный подданный, то такой подход, который озвучен в нынешних компетенциях, оправдан. Если же из этих стен должен выходить сознательный гражданин, политически социализированная личность, – то вряд ли.

С другой стороны, в позиции авторов госстандартов можно увидеть и стремление сформулировать некую идеологию использования исторических знаний в целях оптимизации образовательного процесса. Идеологию, предусматривающую синтез гражданских и профессиональных качеств личности будущего политолога на почве его фундаментальных исторических познаний. Это логично с учетом того разнообразия образовательных траекторий задач гражданского воспитания, на создание которого, в принципе, нацелены современные госстандарты. Не имея идеологии образовательного процесса, не имеет и смысла приступать к решению практических образовательных задач, а тем более наметать конкретные рубежи их решения. Компетенции, вероятно, в оптимальном варианте, действительно должны обозначать некие стратегические доминанты в исторической подготовке политолога. Есть, однако, ряд объективных обстоятельств достаточно общего порядка, с учетом которых путь к новой идеологии образовательного процесса, обозначенный в госстандартах, выглядит проблемным. Это обстоятельства, влияющие на идеологию высшего образования в России как таковую.

Прежде всего, эта идеология исходит из традиционного для отечественной системы образования, да и политики вообще, представления, что та реформа системы, которая происходит сегодня, есть «окончательное решение» вопроса, после чего вся система наконец-то придет в совершенное состояние. Закономерен в этой связи тот завышенный порог требований к «историческим» компетенциям студентов-бакалавров, о котором упоминалось выше. Эта идеология предполагает, что они должны ориентироваться в своем профессиональном развитии на рубежи, дальше которых идти некуда. Что вуз дал, с тем его выпускник и пойдет дальше по всей своей

профессиональной жизни. Предполагается, соответственно, что сам вуз должен прийти в совершенное состояние своих образовательных технологий.

Ни один нормально работающий вуз, даже если он в какие-то моменты демонстрирует свое приближение к идеалу, не способен в принципе снабдить своего выпускника всем необходимым и достаточным для долгосрочного жизненного успеха. Во-первых, в силу естественной динамики процессов перестройки системы образования. Переход вузов к инновационным образовательным технологиям одни проблемы решает, а другие создает. Система оказания образовательных услуг будет отставать от общественного запроса на компетенции, обеспечивающие жизненный успех выпускника вуза, тем сильнее, чем чаще она вынуждена будет в процессе производства образовательных услуг резервировать время, материальные человеческие ресурсы под перестройку образовательных технологий. Нормальная система образования в силу такой естественной динамики процедур внутренней перестройки была и будет сориентирована на то, чтобы не сообщать своим выпускникам готовых рецептов, не гарантировать им полный жизненный успех сразу по выходе из стен вуза, а учить их самостоятельно учиться, и временем, потраченным на самообразование, отчасти компенсировать время, потраченное в бытность их студентами образовательной системой на освоение инновационных технологий. Иначе говоря, нормально работающий вуз настраивает своих выпускников на то, что все достигнутые ими рубежи не окончательные, а, напротив, исходные для их дальнейшего развития.

Второе, что само по себе проблематично, – превентивное определение каких бы то ни было конкретных рубежей профессионального роста в виде ограниченного набора конкретных знаний и навыков, с которыми выпускник придет на российский рынок кадров и будет претендовать на достойную работу и достойный заработок. Положение выпускника вуза на этом рынке, помимо его профессиональной подготовленности, определяют и другие факторы, которые не обязательно прямо отражать в компетенциях, но учитывать их при формулировании компетенций необходимо. Сегодня бакалавры и ма-

гистранты имеют широкие возможности самостоятельно выбирать знания и навыки на рынке образовательных услуг. На этом рынке не только действуют правила рационального выбора, но и большое значение имеет мода на специальности. Под эту моду подстраивается и система высшего образования, особенно в своей коммерческой части. Столь же широки возможности выпускников вуза использовать формальные и неформальные каналы трудоустройства вне зависимости от квалификации, записанной в их дипломе. В свою очередь, их работодатели тоже вольны признавать или не признавать то, что записано в дипломе, предъявлять или не предъявлять к выпускникам вузов и всей системе высшего образования собственные требования. В каком-то смысле в своем понимании, что есть современный квалифицированный работник, политолог, например, работодатели тоже ориентируются на моду. Есть сегодня в России мода на специалиста со столичным или иностранным дипломом – и работодатель ей следует вне зависимости от того, насколько конкретны знания и навыки обладателя данного диплома.

В такой ситуации главной компетенцией становится способность студента принориться к неопределенности и неустойчивости состояния спроса и предложения на рынке образовательных услуг и работы. Компетентностью становится не обладание знаниями и навыками, а умение их приспособить к формальным и, что особенно важно для России с ее неизживаемыми традициями nepoтизма, неформальным запросам рынка рабочей силы. В этом ракурсе компетентность студента выглядит как его способность верно определить характер и масштаб, структурную сложность того личного пространства маневра, которое ему обеспечивает его высшее образование. В том числе это его способность быстро приспособиться к возможным «компетентностным революциям», время от времени происходящим в сфере культуры в виде реакций данной сферы на технологические прорывы в экономике, политике, науке. Такие технологические прорывы, будь то освоение новых информационных, или политических, правовых, административных и иных технологий), порождают резкие инверсии в общественных представлениях о том, что такое образованный

человек и подготовленный профессионал. В 90-е гг. прошлого столетия, например, такая «революция» была сопряжена с обязательностью освоения, например, российским политологом двух передовых на тот исторический момент технологий: компьютера и либеральной методологии анализа социально-политических, властных и геополитических процессов. Жертвами этой «революции», заметим, стал значительный отряд весьма компетентных по прежним, советским, меркам специалистов-гуманитариев, обладавших как раз теми общими и профессиональными компетенциями (за исключением, может быть, «толерантного отношения к социальным различиям»), которые предусмотрены госстандартами для политологов наших дней. Во многом так случилось потому, что советские компетенции для гуманитария с высшим образованием не предполагали наличия для специалиста с высшим образованием широкого пространства для маневрирования своими знаниями и навыками, возможностей для приложения своих сил в других областях профессиональной деятельности и в освоении других компетенций.

Нынешние требования к «историческим» компетенциям политологов вариант «компетентностной революции» исключают. Они не явно, но предполагают, что есть некий единственно правильный взгляд на прошлое и настоящее, который надо усвоить и всю жизнь пользоваться. Это при том, что в России идет процесс модернизации. А в нашем прошлом каждая модернизация сопровождалась пересмотром научными и политическими элитами, обществом в целом представлений о том, что есть история, что есть современная политика и ее основные субъекты, что есть законы политики. Нет оснований предполагать, что на этот раз все не повторится и такого пересмотра представлений о корнях и базовых началах политического процесса не произойдет. Скорее, напротив: нынешние процессы глобализации в информационной и политической сферах, протекающие параллельно с российской модернизацией, создают для такого пересмотра дополнительные предпосылки.

Третье, что отсутствует в формулировках нынешних общих и профессиональных «исторических» компетенций политологов, но

на что, вообще говоря, имеет смысл обратить внимание, особенно если речь идет о формулировании идеологии образовательного процесса. Нынешние формулировки компетенций, требующие от студента «уважительно и бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям», обходят стороной главный, как представляется, вопрос: должен ли квалифицированный политолог просто пассивно «уважать» прошлое и традиции кого бы то ни было или же быть активным гражданином и патриотом? То есть человеком, подходящим к вопросу уважения прошлого своей страны и других стран (в котором много чего было разного), к уважению традиций с определенной разборчивостью. С позиции того, служат они благу нынешнего общества и государства или мешают им развиваться и взаимодействовать, ставят ли это прошлое и эти традиции под сомнение политическую субъектность человека, общественных институтов, ценности, на которых основано наше современное общежитие, или нет.

Гражданственность и патриотизм, в сущности, как характеристики общей направленности развития политической культуры человека или общества, представляют собой благоприобретенную, воспитанную инстинктивную реакцию отторжения человеком всего (даже если это «общечеловеческие ценности», «естественные права и свободы»), что ставит под сомнение его «самостояние» (по определению А.С. Пушкина), его органическую связь со своим, своего общества прошлым, настоящим и будущим. Даже если его будущее неопределенно, а прошлое уставлено, по образному определению того же поэта, «отеческими гробами». Именно в силу своей «инстинктивности», в силу нелинейности своей связи с конкретными знаниями и навыками (патриотом и гражданином, причем в хорошем значении этих слов, может быть и человек без гуманитарного образования, и даже с рождения не видевший своей страны; а профессионально подготовленный историк или политолог, как неоднократно случалось в последние десятилетия, может становиться хулителем своей страны и ее истории) патриотизм и гражданственность многолики в своих проявлениях. Для них трудно, как для всего, что имеет преобладающую чувственную и ин-

стинктивную природу и самые разные контексты проявления, подобрать общие рациональные объяснения и единственно верные способы формирования. Тем более с постмодернистских, по своей сути, позиций «толерантности», как это предлагают нынешние формулировки компетенций для политологов. Всякие чувства и инстинкты имеет смысл воспитывать и раз за разом подкреплять. Для этого, собственно, и необходимы конкретные знания и навыки работы выпускника вуза с историческим и политическим материалом. Но сами по себе такие знания и навыки и готовности не заменяют ощущения человеком себя гражданином и патриотом. Можно многое знать о прошлом и хорошо уметь работать с историческими источниками, но не вписаться в свою социально-политическую систему, а стать частью другой системы, гражданином другого государства и членом другого общества, а то и вообще маргиналом.

Все это можно рассматривать как далеко не полный ряд противоречий, выход из которых стандарты обязывают студентов и преподавателей искать самостоятельно. Это только ряд наиболее очевидных противоречий, и только по конкретному направлению подготовки политологов, связанному с освоением ими исторических знаний. Просто проигнорировать эти противоречия нельзя. В противном случае из стен вуза будут выходить политологи, искренне уверенные в своей компетентности в исторических вопросах, готовые судить историю и ссылаться на ее опыт, а на самом деле знающие и, главное, понимающие историю своей страны и других народов на уровне, недостаточном даже для просто активного гражданина, интересующегося прошлым того политического мира, в котором ему пришлось жить.

Против этого можно возразить, что госстандарты не возбраняют вузам самостоятельно дополнять компетенции по конкретным специальностям теми позициями, которые они сочтут необходимыми. Но они, если посмотреть на расписки учебных планов политологов, и не создают для этого практической возможности. В том объеме учебных часов, в течение которых преподаватель может активно воздействовать на формирование исторического мировоззрения будущего политоло-

га, даже имеющиеся сейчас в госстандартах базовые компетенции сформировать затруднительно, не говоря уже о дополнительных. Фактически, соотношение долей самостоятельной и аудиторной работ студента сейчас таково, что решать вопрос о необходимости дополнительных «исторических» компетенций студент-политолог должен будет сам, в меру своей активности и добросовестности.

В любом случае, если исходить из сказанного выше, нужна, во-первых, формулировка «исторических» компетенций, кроме бакалавриата, также и для магистратуры. С учетом того, что она, согласно всем нормативным документам, есть часть целостной системы политологического образования. А также, заметим, естественное продолжение гражданского и патриотического воспитания студента на основе приобретения исторических знаний. То есть нужна формулировка компетенций, учитывающая, что бакалавриат и магистратура связаны между собой общим процессом усвоения исторического знания как этапы реализации единой образовательной стратегии. И, во-вторых, для обозначения «исторических» компетенций магистров и бакалавров нужна формулировка, которая бы связывала воедино самые разные формы, методы и содержания исторических знаний, которые сегодня готовы дать вузы студентам специальности «Политология». Сегодня историческое знание преподносится студентам-политологам в разных дозировках и формах практически во всех учебных курсах бакалавриата и магистратуры. Оно обеспечивает межпредметные связи, выполняет функцию аргументации научных суждений о свойствах современных процессов и проблем, оно позволяет существенно расширить фактологическую и источниковую базу теоретических и прикладных политических исследований. Россия остается страной с богатейшей историей, и нравится это нам сегодня или нет, историчность пронизывает все гуманитарное образование в российских вузах, в том числе и политологическое образование.

В-третьих, нужна формулировка, которая бы не просто определяла перечень знаний, навыков и способностей студента-политолога, а ориентировала учебный и воспитательный процессы на обоих образовательных уров-

нях именно на формирование и подкрепление гражданских и патриотических «инстинктов» у студента-политолога. Чтобы он был интегрирован в гражданское общество, в правовое государство и в профессиональное сообщество исследователей истории и современной политики, имел возможность постоянно участвовать в российской социально-политической и научной жизни вне зависимости от того, внесет ли в дальнейшем эта жизнь свои изменения в требования к его конкретным историческим познаниям и навыкам.

Этим требованиям, возможно, удовлетворяет формулировка единой компетенции для магистров и бакалавров, осваивающих исторические и историографические курсы в рамках специальности «Политология», ориентирующая учебную работу со студентами на развитие у них такого фундаментального основания человеческой культуры вообще и политической культуры в частности, фундаментального основания профессиональной культуры гуманитария, каким является «историческая память» человека. Гипотетически формулировка могла бы выглядеть так: «Квалифицированный политолог должен обладать “исторической памятью”, то есть способностью анализировать современные политические процессы в ретроспективе и соотносить этот анализ с прогнозированием их перспективы. Он должен обладать навыками совершенствования своей “исторической памяти”, то есть приведения ее качества в соответствие с современным уровнем научного знания об историческом опыте и исторических тенденциях социально-политического развития, и в соответствии с изменениями общественного запроса на историческое знание как современный ресурс развития».

Главное преимущество данной формулировки в том, что она изначально ориентирует и студента, и преподавателя на самостоятельное определение границ и свойств необходимого исторического знания и соответствующих ценностных ориентаций и конкретных навыков. То есть границ и свойств того пространства, в котором в дальнейшем дипломированный политолог сможет реализовывать себя в качестве гражданина, патриота и профессионала, по отношению к которому он в течение жизни будет выстраивать свои социально-по-

литические, культурные и профессиональные связи и отношения. Формулировка ориентирует образовательный процесс на «обустройство» и постоянное обновление этого пространства в связи с существующими либо прогнозируемыми «компетентностными революциями» и просто текущими подвижками в социальном и властном запросе на квалифицированные услуги специалиста-политолога. Наконец, такая формулировка обозначает общую направленность идеологии образовательного процесса на достижение в рамках этого процесса межуровневого (бакалавриат и магистратура) и междисциплинарного (в рамках учебного плана специальности «Политология») синтеза образовательных и воспитательных процессов. Синтеза, в результате которого из стен вуза будет выходить именно российский политолог, осознающий себя органической частью своей социально-политической системы, а не человек, обладающий готовностью «толерантно» относиться к социальным и культурным различиям, которые могут быть нейтральны в отношении политики, но могут и провоцировать внутрисоциальные конфликты и разрушать его общество и его государство.

Понятие «историческая память» в гуманитарных науках используется для характеристики способности современных цивилизованных обществ и элит, управляющих этими обществами, актуализировать знание о своем прошлом и прошлом других народов в качестве ресурса решения современных политических и иных проблем и в качестве ресурса проектирования своего будущего. В этом значении понятие «историческая память» достаточно точно характеризует существо той качественной трансформации, которая должна произойти с личностью студента-политолога в стенах вуза, и причину потребности в инновациях в организации учебного процесса, который должен такую трансформацию качества обеспечить. Естественно будет задаться вопросом: не слишком ли зауженными являются такие требования на фоне других, более дифференцированных общих и профессиональных компетенций студента?

Если обратиться к материалам современных научных дискуссий по проблемам «исторической памяти», провести анализ публикаций последних лет, то окажется, что спектр про-

блем теоретического и прикладного характера, который должен будет осмыслить и для себя решить студент-политолог, достаточно широк. Речь не идет о тех трактовках, которые подразумевают, что человек, обладающий исторической памятью, должен обладать способностью «вспомнить все», от родословной Рюрика до персонального состава кабинета Е.Т. Гайдара. Память всегда избирательна, привязана к социальным практикам, и в сфере политики она предстает перед нами как «политическая память». Современные люди помнят из истории то, что им необходимо для нормального гражданского самочувствия и для легитимации своих интересов и ресурсов влияния на политику. В этом смысле трудно ожидать, чтобы нынешние последователи принципа «равенства», с одной стороны, и последователи принципа «личной свободы» – с другой, с одинаковым вниманием относились как к воспоминаниям об истории Белого движения в Гражданской войне 1917–1921 гг., так и к воспоминаниям об истории Красного движения. Идеологические запреты советского времени на такого рода воспоминания давно сняты, исследователи пытаются убедить российских граждан, что в равной степени ради национального примирения надо в памяти отдать должное всем, но и сегодня ту драматическую историю наши граждане продолжают помнить по-разному, и помнят конкретные факты в разных объемах и видят их в разных цветах. И это не мешает современным гражданам взаимодействовать между собой и с государством. Не будь этих различий в политической памяти граждан, вероятно, и общая картина современного российского политического процесса и современной политической культуры выглядела бы менее объемно, и не было бы научных споров о том, куда ведет Россию «свобода», за которую уже однажды поборолись между собой «белые» и «красные».

В этом смысле акцент на развитии «исторической памяти» оставляет студенту в политическом, профессиональном и моральном планах гораздо больше простора. И для понимания, что ему надо сделать личный гражданский и профессиональный выбор. И для самого такого выбора, для ощущения всей его неоднозначности в свете позиций друзей, родных, коллег. Гораздо больше простора, чем пресло-

вутая «толерантность», которая в практическом приложении к процессу формирования исторически компетентного политолога означает выбор в пользу того, чтобы никакого выбора не делать, а в отношении истории своего общества и государства, в отношении их современного развития – просто «иметь в виду».

«Историческая память» не линейна. Связь сюжетных линий в ней складывается порой самым парадоксальным образом. Одними из ключевых «мест памяти» в структуре знаний и переживаний современного человека о Великой Отечественной войне являются «Сталинградская битва» и «Мамаев курган». В сознании современных людей, даже положительно оценивающих его вклад в отечественную историю, образ И.В. Сталина далек от героизма. Это, скорее, образ крупного, но кабинетного стратега. О героизме образа темника Мамая, прославившегося в истории своим поражением на Куликовом поле, говорить не приходится. Но именно переживание современными людьми героики Великой Отечественной «вытягивает» из «исторической памяти» и ставит на один из первых планов в «памяти политической», в памяти патриотической, персонажей, имена которых мало кто помнит сегодня, о которых именно в этом контексте жертвенного подвига сотен тысяч людей, солдат, офицеров, горожан, может быть, и не хотелось бы вспоминать. Но приходится задавать вопросы: кто был тот Сталин, именем которого называли город-герой Сталинград? кто был этот злосчастный Мамай? – и отвечать на них. В сознании человека такие вопросы и ответы на них формируют сложную сеть образных, оценочных и фактологических связей. Сложная, своего рода сетевая структура «исторической памяти», и особенно «памяти политической» как ее фронта, объективно располагает политолога, изучающего историю, к тому, чтобы к истории подходить «с разбором», ранжировать ценность и значимость тех вещей и людей, о которых вольно или невольно, но приходится вспоминать сегодня.

Формирование «исторической памяти» как стратегия исторической подготовки современного политолога может быть разделено на два этапа: бакалавриата и магистратуры. Основанием для деления может быть

то, что лежит в основании памяти любого человека вообще и в основании профессиональной памяти гуманитария в частности: способность наделять знание о событиях, явлениях прошлого, об имеющих место общественных и научных оценках этого прошлого альтернативными смыслами в зависимости от того, для решения каких практических задач современности или будущности это знание привлекается. Речь идет о том, чтобы уровень «исторической» компетентности студента-политолога на этапах бакалавриата и магистратуры определялся бы расширением и усовершенствованием его способности выявлять и использовать в своей политико-аналитической работе самые разные интерпретации (профанного, социально-мифологического, идеологического, научного плана) исторического прошлого нашей страны и других стран, которые общество и элиты вырабатывают для нужд внутренней и внешней политики, в том числе для решения геополитических задач. Современная политическая наука накопила достаточное знание и значительный опыт в разработке и использовании собственных интерпретаций, в изучении тех интерпретаций, которые порождаются массовым сознанием.

Технический аспект проблемы состоит в том, чтобы при наполнении учебных курсов конкретным теоретическим и фактическим материалом из области исторического знания соблюсти определенную логику. Сегодня она такова (это касается всех компетенций), что все богатство интерпретационного потенциала, которыми обладает мировая цивилизация, российское общество и его элиты, отечественная наука, – все это должен освоить студент на этапе бакалавриата. Иначе говоря, он за время учебы должен научиться понимать прошлое и наделять его смыслами так, как это делают массовое сознание и современная наука. Стимул для дальнейшего профессионального роста, для обучения в магистратуре исчезает, и на свет появляется вроде бы законченный и дипломированный специалист с поверхностными представлениями о реальных возможностях общества и науки в познании прошлого, но уверенный в полноте своих профессиональных компетенций в области науки и практической политики.

Возможно, идеология образовательного процесса могла бы основываться на принципе, согласно которому в осознании прошлого первичными и наиболее практически значимыми для политики являются те интерпретации прошлого, которые вырабатывают общество и элиты по ходу своего взаимодействия и которые позволяют им удерживать политический процесс в организованном русле. Если это учесть, то логичным было бы, чтобы бакалавр формировался прежде всего как специалист, компетентный в тех интерпретациях прошлого, которыми оперируют современные ключевые субъекты политики и которые позволяют ему видеть мир реальной политики глазами того общества или той элиты, членом которых он является. Бакалавр формируется как профессионал, способный к социальной деятельности в структуре институтов гражданского общества и правового государства. Магистр же, на следующем этапе, фор-

мируется как специалист, способный расширить за счет новейших достижений науки свои способности оперирования первичными, социальными интерпретациями. То есть обладающий способностью оценить сущность политических процессов со стороны. Магистр формируется именно как политический аналитик, способный к опредмечиванию политической реальности и к оперированию разнообразными научными методологиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030200 Политология (квалификация (степень) «бакалавр»). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_09/prm768-1.pdf. – Загл. с экрана.

“HISTORICAL” COMPONENT IN COMMON AND PROFESSIONAL COMPETENCES OF STUDENTS OF POLITICAL SCIENCE PROGRAM

N.I. Shestov

In this article the author analyzes structure and pithy contradictions in common and special competences of students of political science programs in the sphere of historical knowledge, which are provided with national third-generation standards. Also in this article the abilities of improvement of these competences are proved.

Key words: *educational standards, professional competences, common competences, historical memory, modernization processes.*